

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՐ. ԱՃԱՌՑԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԼԵԶՎԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

Մաթիաս Վայնրայխ

**Պակիստանի հյուսիսային տարածքների ներգաղթյալ փուշթունների
լեզուն և լեզվական միջավայրը**

**Ժ.02.06 – «ԱՄԻԱՅԻ ՀԻՆ ԵՎ ՆՈՐ ԼԵԶՈՒՆԵՐ (իրանագիտություն)»
մասնագիտությամբ բանասիրական գիտությունների թեկնածուի գիտական
աստիճանի հայցման ատենախոսության**

ՍԵՂՍԱԳԻՐ

Երևան 2014

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМЕНИ Р. А ЧАРЯНА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

Маттиас Вайнрайх

**ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА ПУШТУНСКИХ МИГРАНТОВ НА
СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПАКИСТАНА**

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.06 “ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ АЗИИ”

АВТОРЕФЕРАТ

ЕРЕВАН – 2014

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում:

Գիտական ղեկավար՝ բանասիրական գիտությունների դոկտոր,
պրոֆեսոր **Գ. Մ. Ասատրյան**

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր **Մ. Մ. Պելեին**,
իրանագիտության ամբիոնի վարիչ, Արևելյան լեզուների ֆակուլտետ,
Սանկտ-Պետերբուրգ

բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Վ.Մ. Ոսկանյան

Առաջատար կազմակերպություն՝ Լեյդենի համալսարան (Լեյդեն, Նիդերլանդներ)

Պաշտպանությունը կայանալու է 2014թ. հոկտեմբերի 6-ին՝ ժամը 15:00, ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտում գործող ԲՈՂ-ի Լեզվաբանության 019 մասնագիտական խորհրդի նիստում (հասցեն՝ Երևան 0015, Գրիգոր Լուսավորչի փ. 15):

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտի գրադարանում:

Մեղմագիրն առաքված է սեպտեմբերի 6-ին:

Մասնագիտական խորհրդի գիտքարտուղար, բանասիրական գիտությունների թեկնածու **Ն.Մ. Միմոնյան**

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Г. С. Асатрян**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
М. С. Пелевин, Заведующий кафедрой
иранской филологии, Восточный
факультет СПбГУ (Санкт-Петербург)

кандидат филологических наук, доцент
В. С. Восканян

Ведущая организация: Лейденский университет (Лейден, Нидерланды)

Защита состоится 6 октября 2014г. в 15⁰⁰ часов, на заседании специализированного совета ВАК по лингвистике 019, действующего в Институте языка имени Р. Ачаряна НАН РА (адрес: Ереван 0015, ул. Григора Лусаворича 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языка имени Г. Ачаряна НАН РА.

Автореферат разослан 6 сентября 2014 года.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н. М. Симонян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования: В данной работе исследуется язык и языковая среда пуштунских мигрантов, проживающих на Северных территориях Пакистана в 1990-х годах 20-ого века.

Цель и задачи исследования: Цель диссертации – определить роль и значение пуштунских мигрантов в многоязычной среде Северных территорий Пакистана (впредь СТ), проанализировать влияние этой среды на создание и применение пуштунскими мигрантами схем коммуникаций, а также изучить на синхронном уровне некоторые аспекты взаимодействия родного языка мигрантов с другими диалектами пушту и с местными доминирующими языками. Для достижения намеченных целей были поставлены следующие задачи:

- исследовать языковую ситуацию в пакистанском ареале традиционного расселения пуштунских племен, уделяя особое внимание определению положения языка пушту в многоязычной среде Пакистана,
- изучить языковую ситуацию в Северном Пакистане, исследуя географическое и численное распределение распространенных на территории СТ языков, а также исторические корни и религиозную принадлежность их носителей,
- исследовать социальный фон и географический охват пуштунской миграции на территории СТ,
- исследовать характер языковой коммуникации в среде пуштуязычных мигрантов, а также проанализировать роль лингва франка урду, как средство общения мигрантов между собой и с носителями местных языков.
- выявить в речи двуязычных пуштунских мигрантов возможное влияние междиалектного и межъязыкового общения говорящих, уделяя особое внимание диалектным характеристикам речи мигрантов и применяемым ими моделям формирования множественного числа прямого падежа существительных и прилагательных,
- исследовать феномен языкового сдвига и предопределяющие его факторы посредством сопоставления восприятия родного языка у пуштунских мигрантов и носителей думак.

Актуальность темы: Изучение схем коммуникаций, употребляемых пуштунскими мигрантами на СТ Пакистана при общении между собой и с носителями других языков, а также анализ аспектов языкового взаимодействия между родным языком пуштунских мигрантов и местными не-иранскими языками.

Практическая значимость работы: Научная ценность работы заключается в разработке методологического подхода, который может быть в дальнейшем

приспособлен и применен к исследованиям разного характера, посвященным изучению влияния многодиалектной и многоязычной среды на язык недавно обосновавшихся в данной местности мигрантов. Более того, так как проведенный в данной работе анализ языковой среды и языка пуштуязычных мигрантов, проживающих на территории СТ Пакистана, относится к четко определенному отрезку времени, к 90-ым годам 20-го века, его результаты могут послужить основой для изучения дальнейшего развития той же проблематики в настоящее время.

Материал и методика исследования: Исследование проводилось на основе последовательного применения сравнительно-исторического метода анализа. Главы III, IV и V основаны на полевых исследованиях автора в Северном Пакистане. Полевая работа была выполнена на основе непосредственных наблюдении, а также с помощью двух типов интервью: полу-структурированные и структурированные. Первые были направлены на получение данных об использовании языка и языковых отношении и были проведены в форме случайных разговоров. Структурированные интервью были направлены на выявление лингвистических данных, и все использованные вопросы предоставлены в приложении диссертации.

Научная новизна исследования: Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексный анализ ситуации языка мигрантов в многоязычной среде на примере пуштунских мигрантов СТ Пакистана, рассматривая, при этом, как влияние окружающей социолингвистической среды и доминирующих местных языков, так и, в условиях существования различных диалектных вариантов языка, взаимодействие этих диалектов в условиях миграции.

Хронологические рамки работы: Диссертация отражает язык и языковую среду пуштунских мигрантов в 1990-х годах 20-ого века и основана на материалах впервые собранных автором во время полевых исследований в отдаленных частях северного Пакистана, проведенных с 1993-ых по 1997-ые годы.

Апробация диссертации: Части данной диссертации были опубликованы автором в виде отдельных статей в академических журналах и/или представлены в форме докладов на научных конференциях. Апробация диссертационной работы состоялась на заседании ученого совета факультета Востоковедения ЕГУ.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Пушту — индоевропейский язык, который относится к восточноиранской группе и является одним из официальных языков Пакистана и Афганистана. В Пакистане в 1998 году количество носителей языка пушту оценивалось в размере 15,42 % от всего населения страны, составляя примерно 23 миллиона человек.

Носители языка пушту обычно называют себя пуштунами (*paštun*). Другим распространенным обозначением пуштунов является слово "афганец" (*afgān*). Помимо этого, в Пакистане пуштунов часто именуют патанами (урд. *paṭhān*), однако этим определением, как правило, пользуются только носители других языков.

Традиционно пуштунское общество организовано по родоплеменному принципу. На сегодняшний день существует более ста племен (пушт. *qom*) и родов (пушт. *xeḷ*), названия большинства которых восходят к имени их мифического родоначальника. Многие пуштуны до сих пор прочно интегрированы в племенную систему. Другие же, живущие преимущественно в городах, расположенных за пределами ареала традиционного расселения пуштунских племен, отделились от социальной структуры племени, хотя они, как правило, все еще в состоянии определить свою историческую принадлежность к тому или иному роду. Более того, в Пакистане (как и в Афганистане и в Северной Индии) имеется целый ряд общин, которые хотя и прослеживают корни своих предков вплоть до ареала традиционного расселения пуштунских племен и все еще называют себя "патанами" или "пуштунами", на языке пушту больше не говорят.

Пуштунское общество зиждется на двух нормативных столпах. Один из них – знаменитый Пуштунвали - неписанный поведенческий кодекс, делающий упор на такие качества, как гостеприимство, честь и кровная месть. Другим столпом пуштунского общества является ислам. В Пакистане пуштуны обычно примыкают к суннитам, последователям Ханафитской религиозно-правовой школы. Однако на Федерально управляемых племенных территориях Куррам и Оракзай испокон веков проживает религиозное меньшинство пуштуязычных шиитов.

В Пакистане ареал традиционного расселения пуштунских племен включает в себя Северо-западную пограничную провинцию, некоторые части Белуджистана, а также федерально управляемые племенные территории. Распределение носителей пушту на столь большой и географически разнородной территории способствовало формированию диалектов языка. Характерной особенностью пушту является наличие целого ряда языковых разновидностей, которые, в свою очередь, можно объединить в более крупные диалектные группы. Эти диалектные группы отличаются друг от друга наличием вариантов

на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Более того, даже близкие друг к другу говоры внутри одной и той же диалектной группы часто расходятся в семантике отдельных слов и выражений. В частности, диалектная раздробленность пушту дает о себе знать при общении между носителями различных говоров и диалектов, когда, используя общий для всех родной язык, собеседники испытывают трудности в понимании друг друга.

Другая проблема, связанная с распределением носителей пушту на обширной территории, касается взаимодействия пушту с соседствующими с ним языками.

В последние десятилетия иранистика стала усиленно заниматься предметом диалектной дифференциации пушту. Этот интерес коснулся в том числе и вопросов о влиянии пушту на соседствующие языки и о воздействии на него других языков. Другой предмет научного интереса, на практике часто связанный с первым, является вопрос о влиянии пушту на соседствующие языки и о воздействии на него других языков.

В Пакистане типичными местностями, в которых можно одновременно проследить как феномены междиалектного, так и межъязыкового общения, являются Пешавар, Кветта и Дера-Исмаил-Хан – крупные города, расположенные в пределах ареала традиционного расселения пуштунских племен. За пределами этого ареала местностями подобного языкового взаимодействия являются города и поселения, в которых обосновались пуштуязычные мигранты. Миграция пуштуязычного населения из ареала традиционного расселения пуштунских племен в другие регионы Индийского субконтинента – явление с многовековой традицией.

На территорию Северного Пакистана пуштуны, по сравнению с другими жителями региона, прибыли относительно недавно. Хотя они представляют лишь небольшой сегмент населения этой провинции, их высокий экономический потенциал и значительное социальное влияние обеспечили и обеспечивают пуштунам особую, отличительную позицию среди этнолингвистических групп, проживающих в этой отдаленной части страны.

Прибытие пуштуязычных мигрантов на Северные территории Пакистана берет свое начало с 19-го века. Самые ранние письменные источники упоминают о странствующих торговцах-пуштунах в местностях, граничивших с Читралом, а также о существовании пуштуязычных поселенцев в долинах к северу от Индского Кохистана. На протяжении всего 20-го века численность пуштуязычного населения в Каракорумских горах значительно увеличилась; первый ощутимый рост пришелся на 1920-ые и 1930-ые гг., второй – на период после раздела Британской Индии, достигший своего временного пика в годы, последовавшие за открытием Каракорумского шоссе в 1978 г. Усилившаяся за последнее столетие миграция в пределах Северного Пакистана в значительной

мере привела к качественным изменениям в языках и в социолингвистической среде групп населения, проживавших на территории СТ.

Глава I: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АРЕАЛЕ РАДИЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ ПУШТУНСКИХ ПЛЕМЕН

В Пакистане говорят не менее чем на шестидесяти пяти языках. главным образом представлены индоарийские и иранские языки. Вместе с тем, есть и представители языков дравидийской группы (брагуи, в центральной части Белуджистана), сино-тибетской группы (балти, на крайнем северо-востоке страны) и даже один изолированный язык (бурушаски, в северных долинах Нагер, Хунза и Ясин). Количество носителей каждого из языков варьируется от пятидесяти миллионов человек, как, например, в случае панджаби, до менее двухсот пятидесяти душ в случае аэр (в провинции Синд) и говро (в Индском Кохистане). Абсолютное большинство населения Пакистана, включая подавляющую часть пуштунов, владеет языком урду. Это связано с тем обстоятельством, что во всей стране урду используется как язык преподавания в начальных школах и как основной язык межэтнического общения. Однако, урду является родным языком только для около восьми процентов от общего населения страны. Параллельно с урду, каждая из федеральных провинций Пакистана характеризуется наличием одного или нескольких региональных языков, которые, как правило, являются родными для большей части населения данного региона.

В Пакистане ареал традиционного расселения пуштунских племен включает в себя Северо-западную пограничную провинцию, некоторые части Белуджистана, а также федерально управляемые племенные территории. В Северо-западной пограничной провинции пушту является основным языком в низменных районах: Пешавар, Кохат, Банну, Дера-Исмаил-Хан, а также в горных районах: Сват, Дир, Бунер и Баджаур. В Белуджистане на языке пушту говорят в основном на северо-востоке, т.е. на территориях районов Кветта-Пишин, Лоралай, Жоб и Сиби. Помимо этого, все федерально управляемые племенные территории, простирающиеся вдоль южной части пакистано-афганской государственной границы, практически полностью заселены пуштуязычным населением.

Литературный стандарт языка пушту в повседневной устной коммуникации используется крайне редко. Вместо него говорящие обычно общаются между собой на одном из множества региональных вариантов языка. Таким образом, язык пушту раздроблен на множество более мелких вариантов (говоров). Некоторые из этих говоров носителям языка представляются более престижными по сравнению с другими. В Пакистане в качестве такого языкового варианта выступает пушту, на котором говорят в Пешаваре, и который в 1990-ые являлся

стандартным языком радиопрограмм и телепередач, составленными в этом городе.

Несмотря на то, что Пушту воспринимается его носителями, а также носителями других языков, как важный маркер пуштунской этнической принадлежности, даже сами носители пушту свой родной язык особо престижным не считают и предпочитают, что их дети посещали урдуязычные или англоязычные школы. В результате этого в Пакистане среди пуштунов уровень грамотности на родном языке довольно низкий и, несмотря на наличие собственного стандартизированного алфавита и многовековой письменной традиции, пушту, в основном, остается языком устного общения.

На юго-востоке Пакистана ареал традиционного расселения пуштунских племен граничит с землями, населяемыми носителями языков панджаби и сирайки, а на западе и юге – носителями белуджского языка. На крайнем северо-востоке пушту тесно контактирует с малыми дардскими языками торвали, гаварбати, гаври, хковар и индским кохистани. В самих пределах ареала традиционного расселения пуштунских племен живут большие группы носителей других языков, среди которых – носители ормури в южном Вазиристане, носители хиндко в Пешаваре, округе Кохат и регионе Хазара, а в Кветте – дариязычные иммигранты из Афганистана. Большинство языков, на которых говорят традиционные соседи пуштунов претерпели лингвистическое воздействие пушту. Принимая во внимание многослойность и экстраординарную динамику языковой ситуации в Пакистане, а также широкую распространённость билингвизма среди пуштуязычного населения страны, вполне естественно, что взаимодействие пушту с соседствующими с ним языками продолжает быть важнейшим стимулом как для развития самого пушту, так и для изменения лингвистического ландшафта страны.

Глава II: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПАКИСТАНА

Северные территории Пакистана расположены на крайнем севере страны. Они охватывают высокогорную территорию площадью в 72.000 кв. км, покрывая большую часть Каракорумских гор, западные окраины Гималаев и восточные окраины Гиндукуша. В середине 1990-ых гг. СТ населяло примерно 600.000 жителей, из коих приблизительно 40.000 проживали в Гильгите – административной столице и финансовом центре региона. В середине 1990-ых гг. можно было выделить более десяти крупных этнолингвистических групп, постоянно проживавших на СТ.

На основе лингвистических данных и общих чертах истории происхождения можно выделить следующие четыре категории: 1) Автохтонные группы, к которой относятся носители бурушаски, языка-изолята и западнотибетский

балти. На основе исторических и этнологических данных можно прийти к выводу, что носители этих языков восходят к субстрату ранних мигрантов или даже к исконным жителям региона. 2) Ранние мигранты, носители индоарийских языков. К этой группе относятся носители языков шина, кховар и думаки. По всей вероятности, первая волна передвижения носителей индоарийских языков в каракорумско-гиндукушский ареал началась около тысячи лет назад и привела к заселению нижних частей основных долин предками нынешних носителей языков кховар и шина. Вслед за ними в горный ареал прибыли и носители языка думаки, которые работали в качестве профессиональных музыкантов или ремесленников-кузнецов, и поселялись в бщинах носителей шина и бурушаски. 3) Поздние мигранты и беженцы - представители восточноиранских и алтайских языковых групп. За последние два столетия в долинах Гиндукушко-Каракорумско-Гималайского ареала поселились разрозненные группы мигрантов и беженцев. Ими, в первую очередь, являются ваханцы, которые прибыли из Бадахшана - высокогорного региона, расположенного на территории современных Афганистана и Таджикистана. Кроме этого в северо-восточной части СТ, главным образом в городе Гильгит и округе Гизар, в 20-ом веке поселились тюркоязычные беженцы - уйгуры и киргизы, а со второй половины 19-го века - пуштуязычные мигранты. 4) Миграция кочевников гуджари из бассейна реки Инд. Процесс миграции гуджаров - кочевников из низменной части Пакистана в высокогорье начался во второй половине 19-го века и продолжается по сей день. На территории СТ носители центрально-индийского гуджари в летний период живут во временных пристанищах, расположенных на высокогорных пастбищах. Зимой же они проводят или в постоянных поселениях в округе Гизар.

Неоднородность этнолингвистической картины СТ в какой-то мере дублируется религиозной структурой населения региона. В середине 1990-ых годов все жители СТ исповедовали ислам, делясь на следующие четыре главные (и отчасти антагонистические) группы: сунниты, шииты-двунадесятники, исмаилиты и нурбахшиты. В середине 1990-ых годов округ Диаметр был полностью заселен суннитами. В городе Гильгит, а также в долинах Пуньял и Астор население было смешанным и состояло из шиитских и суннитских общин. Исмаилиты, в основном, проживали на севере округа Гильгит. Долина Нагер была полностью шиитской, равно как и долина Шигар на севере и поселения на юго-востоке округа Скарду. Зато большинство населения округа Ганче принадлежало к вероисповеданию нурбахши, а город Гильгит и городское поселение Скарду были многоконфессиональными.

Глава III: ДИНАМИКА МИГРАЦИОННОГО И ЯЗЫКОВОГО ПРОЦЕССА

Начало миграции носителей пушту в СТ сегодняшнего Пакистана приходится на вторую половину 19-го века. Первый существенный наплыв мигрантов наблюдался в 20-ых и 30-ых годах 20-ого века. Второй - начался с обретения Пакистаном независимости (1947г.) и достиг своего временного пика в годы, последовавшие за открытием Каракорумского шоссе в 1978-ом году. В середине 1990-ых гг. пуштуязычные мигранты проживали во всех пяти округах СТ. Работая преимущественно в качестве торговцев, ремесленников и в сфере обслуживания, они в основном были сосредоточены в многоязычных городских поселениях Гильгит, Чилас и Скарду и на базарах, расположенных вдоль главных дорог. В сельской местности присутствие носителей пушту ограничивалось селами, находящимися в кховарязычных частях округа Гизар и шинаязычных частях округов Диамер и Гильгит. В соответствии с образом жизни пуштунов, который также определял их схемы языкового общения, в середине 1990-ых гг. пуштуязычное население СТ можно было разделить на два типа: временные мигранты и постоянные мигранты. Мигранты первого типа не теряли связи с местами своего происхождения, расположенными в ареале традиционного расселения пуштунских племен, регулярно навещая свои оставшиеся там семьи. На территории СТ эти мигранты проживали во временных домашних хозяйствах (пуш. *dēra*), которые они, как правило, делили с людьми говорящими на том же диалекте пушту как и они. Мигранты второго типа не поддерживали постоянной связи с местами происхождения и вместе со своими семьями обосновывались на территории СТ в постоянных домашних хозяйствах (пуш. *kor*).

Изучение сфер применения пушту выявляет, что пуштуны, постоянно проживающие на территории СТ, использовали пушту главным образом в семейном кругу. При этом большинство носителей языка зрелого возраста обычно говорили на пушту со своими родителями, женами и детьми. Постоянные мигранты более молодого возраста, большинство из которых родилось на территории СТ, в кругу семьи регулярно использовали пушту в общении со своими родителями. Вне дома круга постоянные пуштуязычные мигранты молодого и зрелого возраста общались на пушту со своими пуштунскими соседями и односельчанами. В свою очередь, временные пуштуязычные мигранты пользовались пушту во всех ситуациях общения с другими пуштунами. Их самыми частыми пуштуязычными собеседниками являлись их товарищи по совместному временному домохозяйству типа дера. На втором месте по частоте языковых контактов находились другие временные пуштунские мигранты, работающие на местном базаре. Общение же с постоянными пуштуязычными мигрантами, напротив, осуществлялось намного реже и обычно ограничивалось деловыми сделками.

Язык урду - главный лингва франка как на территории СТ Пакистана, так и в остальной части Пакистана. Урду был широко распространен и в среде пуштуязычных мигрантов, где он выступал в качестве главного средства их общения с непуштуязычными собеседниками во всех сферах общественной жизни. Для временных мигрантов урду в таких ситуациях являлся "языком первого выбора", для постоянных мигрантов же, он оказывался только на втором месте после доминирующего местного языка. Степень владения урду у пуштуязычных мигрантов, проживающих на территории СТ, варьировал в зависимости от уровня формального образования, сферы занятости и степени "мобильности" опрошенного. Притом, продолжительность школьного обучения, частота и интенсивность контактов с непуштуязычными собеседниками и высокая профессиональная мобильность обычно способствовали лучшему владению языком урду. Главной сферой применения урду для пуштуязычных временных мигрантов являлись местные базары, на которых они взаимодействовали и общались со своими клиентами, носителями автохтонных языков. Урду, применяемый пуштуязычными мигрантами в таких ситуациях, как правило, отличался от стандартного варианта языка деаспирацией придыхательных согласных, упрощением синтаксиса и другими систематическими модификациями, обусловленными интерференцией их родного языка.

Временные пуштуязычные мигранты, как правило, не владели бытующими на территории СТ местными языками, общаясь с носителями последних исключительно на урду. Исключением среди них были путешествующие по сельской местности в поисках клиентов странствующие торговцы и ремесленники, чьи знания местных языков, однако, как правило, ограничивались несколькими словами и функциональными выражениями. В отличие от них, постоянные пуштуязычные мигранты, как правило, владели местными доминирующими языками, которые для них являлись самым важным средством общения с членами других этнолингвистических групп. Самыми распространенными местными языками среди пуштунских постоянных мигрантов являлись шина и ховар, которые использовались в округах Диамер, Гильгит и Гизар. Балти являлся вторичным языком пуштунов, поселившихся в Скарду. Бурушаски был распространен мало, а ваханским и думаким пуштунские мигранты не владели. Причиной такого неравномерного распределения владения автохтонными языками являлось то обстоятельство, что в ареалах бытования ваханского и думаким постоянные пуштунские мигранты не проживали. Кроме того, на этих языках и на языке бурушаски почти исключительно говорили представители исмаилитского и шиитского вероисповеданий, в личные контакты с которыми пуштунские мигранты, как

правило, не вступали, поскольку те ими воспринимались как антагонисты собственной, суннитской, интерпретации ислама.

Глава IV: ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДВУАЗЫЧНЫХ ПУШТУНСКИХ МИГРАНТОВ

Исследование основано на анализе первичного языкового материала, собранного посредством прямого опроса пуштунских двуязычных (т.е. владеющих пушту и еще одним из местных доминирующих языков: шина, кховар, балти) мигрантов. Дialeктный характер речи опрошенных проявляется присутствием в ней фонетических, морфологических и лексических черт, типичных для варианта пушту, распространенного на территории их исторической родины. Сохранение таких диалектических черт в речи пуштуязычных мигрантов, постоянно проживающих на территории СТ, подтверждает распространенное у мигрантов мнение о схожести собственного варианта языка с диалектом места происхождения своих предков.

Взаимодействие различных вариантов пушту друг с другом проявляется уем, что в материале, собранном у носителей юго-западных вариантов пушту, обнаруживаются лексемы, характерные для северо-восточных вариантов языка. Присутствие такого рода лексем указывает на тесный языковой контакт носителей разных диалектных групп пушту друг с другом и о возможном влиянии речи мигрантов-носителей северо-восточных вариантов пушту на речь мигрантов-носителей юго-западных вариантов пушту. Вместе с тем, в материале, собранном у носителей северо-восточных вариантов этого языка, отсутствуют лексемы, типичные для юго-западных вариантов пушту, что указывает на одностороннее направление отмеченного междиалектного влияния. Выявленная односторонность может быть связана с тем, что во время данного исследования, в середине 1990-ых годов, абсолютное большинство пуштунских мигрантов, проживающих на территории СТ, являлось носителями северо-восточных вариантов пушту, с которыми носители юго-западных вариантов языка неизбежно вступали в языковой контакт при общении на родном языке вне домашней среды.

Взаимодействие пушту с местными контактными языками главным образом проявляется на лексическом уровне. В собранном материале лексика из местных контактных языков варьирует от опрошенного к опрошенному и по количеству, и по семантическому многообразию. При этом, каждый опрошенный выявляет в своем словарном запасе местную лексику только из того контактного языка, который доминирует на территории его проживания. Лексемы из местных контактных языков – это в основном существительные, которые обозначают части тела, домашнюю утварь, животных и явления природы. Прилагательные и наречия среди заимствованной лексики крайне редки. Личные местоимения

полностью отсутствуют. Количество и семантическое многообразие, присутствующей в материале лексики из местных контактных языков, указывают на тесное языковое взаимодействие опрошенных с носителями доминирующего на их территории проживания контактного языка. Более того, систематическое применение к этим лексемам моделей образования множественного числа прямого падежа, характерные для пушту, а также втягивание этих лексем в "пуштунскую" систему маркировки грамматического рода и категории одушевленности, указывают на тенденцию заимствования местной лексики в родной язык постоянных мигрантов.

Способы образования множественного числа прямого падежа у регулярных существительных и прилагательных из пушту, представленные в собранном материале, следуют двум группам моделей. Первая группа включает модели образования множественного числа прямого падежа, которые также представлены в вариантах пушту, распространенных на исторической родине опрошенных. Вторая группа состоит из моделей образования множественного числа прямого падежа, которые представлены в местных контактных языках. Существительные и прилагательные из пушту, как правило, образуют множественное число прямого падежа, точно следуя моделям первой группы. Исключение составляет ряд прилагательных женского рода с исходом на согласный, которые при образовании множественного числа прямого падежа обнаруживают тенденции к отказу от дистинктивной маркировки, подстраиваясь под форму множественного числа прямого падежа мужского рода или под форму единственного числа прямого падежа женского рода. Это явление может быть связано с тем, что в соответствующих местных контактных языках прилагательные женского рода не обладают самостоятельными формами множественного числа прямого падежа. Принимая это во внимание, можно предположить, что данное выравнивание форм указывает на возможное влияние на морфологическом уровне местных языков на родную речь пуштунских мигрантов, постоянно проживающих на территории СТ.

Модели образования множественного числа прямого падежа, которые представлены в местных контактных языках, как правило, не распространяются на существительные и прилагательные из пушту. С другой стороны, модели образования множественного числа прямого падежа, которые характерны для вариантов пушту, распространенных на исторической родине опрошенных, также включают существительные из местных контактных языков, вне зависимости от того, маркируются ли в данных языках формы множественного числа прямого падежа или нет.

Что касается способов образования множественного числа прямого падежа у нерегулярных существительных и прилагательных из пушту, то в случае с терминологией родства, в речи опрошенных, как правило, сохраняются

"исконные" формы. Однако, ряд других существительных, которые в вариантах пушту, распространенных на исторической родине опрошенных, обнаруживают нерегулярные формы множественного числа прямого падежа, в данном материале проявляют тенденцию к нормализации, примыкая к регулярным моделям образования множественного числа прямого падежа. Подобным образом, формы множественного числа прямого падежа прилагательных, которые в вариантах пушту, распространенных на исторической родине опрошенных, характеризуются чередованием корневого гласного, в речи опрошенных проявляют тенденцию к нормализации, сохраняя корневой гласный формы единственного числа прямого падежа во всех других формах.

В речи опрошенных мигрантов абсолютное большинство существительных из пушту сохраняют тот грамматический род, к которому они принадлежат в вариантах языка, распространенных на территории исторической родины опрошенных. Немногочисленные случаи атрибуции "не исконного" грамматического рода, в основном, касаются нерегулярных существительных "исконного" женского рода, но с окончанием на согласный, которые часто, скорее всего, по аналогии с регулярными существительными с исходом на согласный, причисляются опрошенными к мужскому роду. Существительные из местных контактных языков, как правило, сохраняют грамматический род, к которому они принадлежат в этих же языках. Или же (в основном, в случаях отсутствия в местном контактном языке категории грамматического рода у существительных и прилагательных) адаптируются к системе маркировки грамматического рода, преобладающей в языке пушту. При этом, существительные из местных контактных языков с исходом на согласный причисляются опрошенными к мужскому роду, а существительные с исходом на гласный – к женскому.

Морфологическая маркировка одушевленности существительных обеспечивается образованием их форм множественного числа прямого падежа по специальной модели, которая выполняет ту же функцию и в вариантах пушту, распространенных на исторической родине опрошенных. В собранном материале данная модель вовлекает не только ряд одушевленных существительных из пушту, но и одушевленные существительные из контактных языков, вне зависимости от того, обладают ли эти языки категорией одушевленности или нет.

Глава V: ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ В СРЕДЕ ПУШТУНСКИХ ПОСТОЯННЫХ МИГРАНТОВ

В середине 1990-ых гг., в местностях, где доминировали языки шина, бурушаски, балти и хковар, на этих языках говорили не только их "исконные" носители, но и члены местных этнолингвистических меньшинств, свободно

владевшие ими в качестве вторичных языков. Более того, к тому времени некоторые (под-)группы местных этнолингвистических меньшинств уже полностью перешли на доминирующий язык их окружения или находились в процессе такого сдвига. К примеру, в городе Гильгит все так называемые "кашмирцы", мигранты, которые прибыли туда в 18-ом веке со своим собственным родным языком, давно уже отказались от него в пользу местного диалекта шина. В округе Гизар все представители народности дома полностью перешли со своего родного думаки к доминирующим языкам шина или кховар, а носители думаки, проживавшие в долинах Нагер и Хунза, находились в процессе перехода к шина или бурушаски. В Гильгите и Чиласе семьи недавних мигрантов, которые традиционно говорили на языке индского кохистани, были в процессе перехода на шина.

Языковым сдвигом была охвачена и часть постоянных пуштунских мигрантов. Во время полевых исследований на территории СТ не однократно встречались семейства, в основном проживающих в сельской местности, которые или уже отказались от родного пушту в пользу местного доминирующего языка, или находились в процессе языкового сдвига. Среди них числились семейства, проживавшие в самых разных местах региона, в том числе в долинах Астор и Худдур (округ Диамер), в селе Пакора (Ишкоманская долина, округ Гизер), в городском поселении Чилас и в его окрестностях. Хотя опрошенные в этих местах, как правило, все еще помнили, что их предки были пуштунами, они сами, или их дети уже не говорили на пушту, а пользовались исключительно языками шина или кховар. Естественно, лингвистическая ассимиляция постоянных пуштунских мигрантов не везде проходила одинаковым образом.

В середине 1990-ых годов в этом отношении вырисовывались две тенденции. С одной стороны, многое указывало на то, что в целом ряде домашних хозяйств постепенно сокращалось использование пушту в качестве родного языка и что их члены в дальнейшем перейдут на доминирующий местный язык. Явными признаками такого постепенного перехода можно было считать ограниченное использование пушту вне семьи, а так же распространение двуязычия на всех уровнях языкового коллектива. Более того, для ряда отдельных лиц процесс языкового сдвига был уже почти завершен.

С другой стороны, наблюдаемому явлению языкового сдвига в какой-то мере противостояло стремление к преемственности в использовании пушту в семейной среде. Об этом свидетельствуют данные опроса постоянных пуштунских мигрантов, указывающие на то, что из 18 семей, в которых имелись дети, только в троях родной язык пушту не передавался молодому поколению. Более того, даже в семьях, основанных на смешанных браках с пуштуязычным отцом, только в двух из пяти случаев дети переняли исключительно родной язык матери.

Домашние хозяйства первого, переходного типа, извлекали средства для своего существования в основном из сельского хозяйства, которое в условиях местного малоземелья обеспечивало только относительно низкий доход. В Северном Пакистане, как и в других регионах подвергнутых модернизации, экономическое благосостояние семьи являлось основным и часто решающим критерием в определении ее социального статуса. Что касается финансовых средств, семьи пуштунских мигрантов с низким доходом не отличались от большинства своих непуштунских соседей, которые, как и они, были простыми крестьянами, еле сводившими концы с концами. Единственная черта, которая в глазах своих односельчан отличала их от остальной части деревни и из-за которой они считались более низкими по социальному статусу, была их "чужеродность" - то есть то, что они, как пуштуны, не принадлежали к исконному населению данной местности. Наиболее явным и часто единственным сохранившимся признаком их "чужеродности" был язык, на котором они разговаривали между собой. Это привело к тому, что многие мигранты-крестьяне стали воспринимать свой родной язык пушту как препятствие, которое следует преодолеть во имя достижения более благоприятного социального положения.

Совершенно иная ситуация представлялась в случае тех семей постоянных мигрантов, которые, хотя и были двуязычными, предпочитали использовать пушту наравне с местным доминирующим языком. Главы почти всех таких домашних хозяйств, в основном расположившихся в Гильгите и других городских поселениях, были торговцами или государственными служащими, с доходом выше среднего, и с соответствующим общественным влиянием. Кроме этого, отличительному статусу этих семей в местном сообществе еще и способствовало присутствие и финансовое влияние их временно мигрирующих соотечественников, а также распространенное по всему Пакистану восприятие пуштунов, как представителей трудолюбивого, сплоченного, но и жестокого и упрямого племенного люда.

Подобное сочетание обеспеченности, социального влияния и племенного имиджа превратило этих пуштуязычных мигрантов, в общественную группу, к которой местные сограждане относились если не с любовью, то по крайней мере с уважением и даже с некоторой опаской. Так как принадлежность к этой этнической группе прежде всего выражалась владением пушту. Сохранение родного языка благосостоятельные пуштунские мигранты считали важнейшей предпосылкой для отстаивания своего социального статуса.

Заключение

1. В Пакистане на языке пушту говорит около 23 миллионов человек; он является родным языком для большинства населения пакистанского ареала традиционного расселения пуштунских племен, включая Северо-западную пограничную провинцию, некоторые части Белуджистана, а также Федерально управляемые племенные территории.

2. Язык пушту распадается на многочисленные варианты. Один из них – литературный язык, который не привязан к специфической местности, а является надрегиональным. Однако, в повседневной устной коммуникации, как правило, используются региональные варианты (диалекты) пушту. На основе фонетических критериев выделяются четыре диалектных ареала пушту: 1) юго-западный, 2) северо-западный, 3) юго-восточный и 4) северо-восточный. В каждом ареале бытует множество более мелких вариантов языка, которое характеризуются своими особенностями на фонологическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

3. Существуют диалекты пушту, которые носителям языка представляются более престижными по сравнению с другими. В Пакистане в качестве такого престижного варианта выступает пушту, на котором говорят в Пешаваре и который в северо-восточном диалектном ареале используется в роли надрегионального языка общения.

4. Пушту воспринимается его носителями как важный маркер пуштунской этнической принадлежности и как мощный символ пуштунского национализма. Однако сами пуштуны свой родной язык особо престижным не считают, предпочитая посылать своих детей в учебные заведения с образованием на урду или на английском, закрепляя этим за пушту статус языка в основном устного общения.

5. Языковой контакт между пушту и соседствующими с ним языками представляет собой длительный, непрерывающийся по сей день, исторический процесс. О языковом воздействии на пушту на синхроническом уровне свидетельствует продолжающееся в наши дни внедрение в язык лексических заимствований из персидского (дари) и урду.

6. Продолжительные и интенсивные языковые контакты между носителями пушту и носителями других языков также лежат в основе явления языкового сдвига. Так, целый ряд общин пуштунских мигрантов, продолжительное время проживающих среди непуштуязычного населения на территории сегодняшнего Пакистана, под влиянием окружающей их языковой среды уже полностью отказались от пушту в пользу местных индоарийских языков.

7. В середине 1990-ых гг. можно было выделить около десяти крупных этнолингвистических групп, постоянно проживающих на территории СТ. Языки, используемые их представителями, и взаимодействующие друг с другом принадлежали к центральной группе индоарийских языков, к дардским языкам, к восточно-иранским языкам, к тюркским языкам и к западно-тибетским языкам; один из них являлся языком-изолятом.

8. На основе лингвистических данных и общих черт истории происхождения можно выделить четыре категории носителей языков, распространенных на территории СТ Пакистана: 1) Автохтонные группы: носители бурушаски и балти; 2) Ранние мигранты из низменных частей Индии: носители дардских языков кховар и шина, и носители центрально индоарийского языка думаки; 3) Поздние мигранты и беженцы: носители восточноиранских языков - ваханского, пушту, и носители тюркского уйгурского языка; 4) Кочевники гуджари из бассейна реки Инд, прибывающие с начала 20-ого века.

9. Начало миграции носителей пушту в Северные Территории сегодняшнего Пакистана приходится на вторую половину 19-го века. Первый существенный наплыв мигрантов наблюдался в 20-ых и 30-ех годах 20-ого века. Второй - начался с обретения Пакистаном независимости (1947г.) и достиг своего временного пика в годы, последовавшие за открытием Каракорумского шоссе в 1978-ом году. В середине 1990-ых общее число носителей пушту, проживающих на территории СТ, можно было оценить между 5.000 и 5.500 человек, что составляло около 0,8-0,9% от общей численности населения того времени.

10. В середине 1990-ых гг. пуштуязычные мигранты проживали во всех пяти округах СТ. Работая преимущественно в качестве торговцев, ремесленников и в сфере обслуживания, они в основном были сосредоточены в многоязычных городских поселениях и на базарах, расположенных вдоль главных дорог. В соответствии с образом жизни пуштунов, который также определял их схемы языкового общения, в середине 1990-ых гг. пуштуязычное население СТ можно было разделить на два типа: временные мигранты и постоянные мигранты.

11. Пуштуны, постоянно проживающие на территории СТ, использовали пушту главным образом в семейном кругу. Вне узкого домашнего круга постоянные пуштуязычные мигранты молодого и зрелого возраста общались на пушту со своими пуштунскими соседями и односельчанами. При этом пуштуны старшего возраста предпочитали пользоваться общим для них родным языком со всеми своими пуштуязычными знакомыми, включая временных мигрантов. Молодые люди со своими местными пуштуязычными сверстниками обычно разговаривали на доминирующем местном языке, но при общении с временными пуштунскими мигрантами всегда выбирали пушту.

12. Временные пуштуязычные мигранты пользовались пушту во всех ситуациях общения с другими пуштунами. Их самыми частыми пуштуязычными

собеседниками являлись их товарищи по совместному временному домохозяйству типа дера. На втором месте по частоте языковых контактов находились другие временные пуштунские мигранты, работающие на местном базаре.

13. В семейном кругу пуштунские мигранты обычно общались между собой на своем родном диалекте. Речь пуштуязычных мигрантов, постоянно проживающих на территории СТ характеризовалось присутствием фонетических, морфологических и лексических черт, характерных для варианта пушту, распространенного на территории их исторической родины.

14. Широко распространенной в среде пуштунских мигрантов схемой междиалектного общения являлась, так называемая "техника синонимов". Она заключалась в том, что каждый участник во время беседы разговаривал на своем собственном варианте пушту. Если адресат не понимал того или иного слова из речи говорящего, то последний добавлял к сказанному синоним или фразу (по возможности на диалекте адресата), разъясняющую смысл сказанных им слов. Свободному языковому общению между пуштуязычными мигрантами, носителям различных вариантов пушту также способствовало владение многими из них пешаварским диалектом, который и в северо-восточных частях ареала традиционного расселения пуштунских племен служил в качестве надрегионального языка общения.

15. Присутствие лексем, характерных для северо-восточных вариантов языка в речи мигрантов-носителей юго-западных вариантов пушту указывает на тесный языковой контакт носителей разных диалектных групп пушту друг с другом и о возможном языковом влиянии мигрантов-носителей северо-восточных вариантов пушту на мигрантов-носителей юго-западных вариантов пушту.

16. Язык урду в среде пуштуязычных мигрантов выступал в качестве важного средства их общения с непуштуязычными собеседниками во всех сферах общественной жизни. Для временных мигрантов урду в таких ситуациях являлся "языком первого выбора" (language of first choice), для постоянных мигрантов же, он оказывался только на втором месте после доминирующего местного языка.

17. Присутствие лексем из урду в речи пуштунских мигрантов указывает на влияние этого языка на родной язык последних. Однако изучение специфического характера этого влияния затрудняется тем, что систематическое использование в письменной и устной речи лексических единиц из урду широко распространено и среди пуштунов, проживающих в пакистанском ареале традиционного расселения пуштунских племен.

18. Временные пуштуязычные мигранты, как правило, не говорили на бытующих на территории СТ местных языках. В отличие от них, постоянные

пуштуязычные мигранты, как правило, владели местными доминирующими языками, которые для них являлись самым важным средством общения с членами других этнолингвистических групп.

19. Присутствие лексем из местных контактных языков в речи постоянных пуштунских мигрантов, указывает на их тесное языковое взаимодействие с носителями доминирующего на их территории проживания контактного языка. Более того, систематическое применение к этим лексемам моделей образования множественного числа прямого падежа, характерные для пушту, а также втягивание этих лексем в "пуштунскую" систему маркировки грамматического рода и категории одушевленности, указывают на тенденцию заимствования местной лексики в родной язык постоянных мигрантов.

20. В речи постоянных пуштунских мигрантов обнаруживается тенденция к сохранению у существительных и прилагательных из пушту морфологических маркировок категории грамматического рода, множественного числа прямого падежа и одушевленности в той же функции и в том же виде, в котором эти маркировки представлены в вариантах пушту, распространенных на территории исторической родины мигрантов. Вместе с этим, наблюдается тенденция применения регулярных моделей образования множественного числа прямого падежа к нерегулярным существительным и прилагательным из пушту, а также к выравниванию системы изменения корневого гласного у нерегулярных прилагательных.

21. Присутствующая в речи постоянных пуштунских мигрантов тенденция к подстраиванию форм множественного числа прямого падежа прилагательных женского рода с исходом на согласный под формы множественного числа прямого падежа мужского рода или единственного числа прямого падежа женского рода указывает на возможное влияние на морфологическом уровне местных языков на родной язык постоянных мигрантов.

22. На территории СТ Пакистана язык пушту воспринимался и пуштунами, и представителями других этнолингвистических групп как яркий маркер идентичности. Именно от этого восприятия пушту во многом зависело решение постоянных пуштунских мигрантов, передавать ли свой родной язык своим детям или же общаться с ними исключительно на доминирующем местном языке.

23. В середине 1990-ых гг. для большинства проживающих в городских поселениях постоянных пуштунских мигрантов передача родного пушту следующему поколению являлась важнейшей предпосылкой сохранения высокого социального статуса своей семьи. Однако, в тоже самое время, сравнительно небольшая группа семей постоянных пуштунских мигрантов, проживающих, в основном, в сельской местности, находилась в процессе языкового сдвига, постепенно переходя с родного пушту на местный

доминирующий язык. В этих пуштунских семьях, исконный родной язык воспринимался как тормозящий фактор на пути к "лучшей жизни", и отказ от него был продиктован желанием избавиться от социальной стигмы "приезжих" и обеспечить себе и своим детям беспрепятственную интеграцию в местные общины.

24. Отделению пушту, бытующего в среде пуштуязычных мигрантов на территории СТ Пакистана, от других вариантов языка и формированию самостоятельного, характерного для СТ диалекта, препятствовали по крайней мере три фактора: 1) открытый характер языкового коллектива, многие члены которого находились в систематическом контакте с носителями пушту, проживающими в ареалах традиционного расселения пуштунских племен; 2) роль языкового средства междиалектного общения, которую такой самостоятельный вариант пушту смог бы сыграть в многодиалектной пуштуязычной среде СТ Пакистана, оказалась уже занятой пешаварским диалектом и техникой общения посредством синонимов; 3) одновременное влияние на язык пушту сразу же нескольких местных контактных языков (например, шина, кховар и балти).

Приложение

Приложение включает политическую карту СТ Пакистана и прилегающих к ним регионов, анализ первичного языковой материала, социолингвистический вопросник, используемый во время полевых исследований работ, таблицу, демонстрирующую непрерывность использования пушту постоянными пуштунскими мигрантами в семье, а также таблицу транскрипции пушту, шина, кховар и балти.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ

1. Weinreich Matthias, "Die Pashto Sprecher des Karakorum. Zur Migrationsgeschichte einer ethno-linguistischen Minderheit", Iran and the Caucasus, 2001, vol. 5, pp. 285-302.
2. Weinreich Matthias, "Pashto im Karakorum. Zur Sprachsituation und Sprache einer ethno-linguistischen Minderheit", Iran and the Caucasus, 2005, vol. 9.2, pp. 301-330.
3. Weinreich Matthias, "We Are Here to Stay. Pashtun Migrants in the Northern Areas of Pakistan", Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2009, 118pp.

4. Weinreich Matthias, "Language Shift in Northern Pakistan: The Case of Domaaki and Pashto", *Iran and the Caucasus*, 2010, vol. 14, pp.43-56 (www.fli-online.org/documents/languages/domaaki/language_shift.pdf.)

Մաթիաս Վայնրայիս
**Պակիստանի հյուսիսային տարածքների ներգաղթյալ փուշթունների լեզուն
և լեզվական միջավայրը**

*Ժ.02.06 – «Ասիայի հին և նոր լեզուներ» մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի
հայցման համար ներկայացված ատենախոսություն:*

*Պաշտպանությունը կայանալու է 2014թ. հոկտեմբերի 6-ին՝ ժամը 15:00-ին,
ՀՀ ԳԱԱ Հր. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտում գործող ԲՈՆ-ի
Լեզվաբանության 019 մասնագիտական խորհրդի նիստում
(հասցեն՝ Երևան 0015, Գրիգոր Լուսավորչի փ. 15)*

Ամփոփում

Ատենախոսությունը հիմնված է 1993-ից 1997թթ.-ին Հյուսիսային Պակիստանում դաշտային աշխատանքների շրջանակներում կատարված էթնոլեզվաբանական ուսումնասիրությունների վրա: Հավաքված նյութերը ներառում են նշված տարածքի հանրալեզվաբանական միջավայրին վերաբերող համակարգված վերլուծություններ, ինչպես նաև ներգաղթյալ երկլեզու (տեղական լեզուներ շինա, քհովար, բալթի) փուշթունների լեզվին վերաբերող լեզվական տվյալներ: Աշխատանքի նպատակն է նյութերի քննության միջոցով որոշարկել փուշթուախոս բնակչության տեղը Պակիստանի հյուսիսային տարածքների բազմակերպիկ և բազմալեզու միջավայրում և վերլուծության ենթարկել այն մեծ ազդեցությունը, որ ունենում է վերոնշյալ միջավայրը տվյալ լեզվակիրների հաղորդակցության ձևերի և ընդհանրապես լեզվի վրա: Բացի այդ՝ աշխատանքը երևան է բերում հնչյունական, բառապաշարային և ձևաբանական մի շարք առանձնահատկություններ, որոնք վերաբերում են երկլեզու ներգաղթյալների խոսքին՝ նպատակ ունենալով վեր հանել դրանում առկա ժամանակակից փուշթուի բարբառների և տեղական լեզուների հնարավոր ազդեցությունը:

Ներածություն բաժնում հիմնավորվել են հետազոտության արդիականությունը և գիտական կարևորությունը, առաջադրվել են աշխատանքի նպատակն ու խնդիրները, նաև լուսաբանվել է աշխատանքի մեթոդաբանական հենքը: Այս բաժնում մանրամասնորեն ներկայացվում է նաև այդ հարցի ուսումնասիրության պատմությունը հիմք ընդունելով Պակիստանի փոքրամասնություն կազմող էթնիկ խմբերի լեզուների ներկա դրության և հեռանկարների հանրալեզվաբանական քննությունը:

Առաջին գլուխը ներառում է Պակիստանի փուշթուախոս խմբերի հիմնական բնակության տարածքներում տիրող հանրալեզվական դրության վերաբերյալ ընդհանուր նկարագրություն, Պակիստանի լեզվական միջավայրում փուշթուի տեղի, ինչպես նաև գրական փուշթուի և վերջինիս բարբառների բաժանմանը վերաբերող ամփոփ ակնարկ: Փուշթուն

Պակիստանում տարածված 60 լեզուներից մեկն է, որով խոսում է 23 միլիոն մարդ Պակիստանի հյուսիսարևմտյան սահմանային շրջանում, Բելուջիստանում և Ֆեդերալ կառավարվող ցեղային տարածքներում (Federally Administered Tribal Areas): Փուշթուն ունի բազմաթիվ բարբառներ, որոնցից յուրաքանչյուրը կարող է տարածված լինել որևէ բնակավայրում, ինչպես նաև հանդես գալ որպես վերտարածաշրջանային տարբերակ: Դարերի ընթացքում փուշթուն մշտապես սերտ շփման մեջ է եղել հարևան լեզուների հետ և մեծապես ներագդել է վերջիններիս բառապաշարի և քերականության վրա, սակայն գուգահեռաբար փուշթուն մեծ ազդեցություն է կրել վերտարածաշրջանային առավել կարևոր լեզուներից՝ պարսկերենից, թյուրքական և հնդարիական լեզուներից:

Երկրորդ գլխում քննության է ենթարկվում Պակիստանի հյուսիսային տարածքների հանրալեզվական դրությունը: 1990-ական թվականներին նշված շրջաններում բնակվում էին ավելի քան տասը տարբեր էթնոլեզվական հանրություններ, որոնց լեզուները պատկանում էին հնդիրանական, չինատիբեթական, իրանական և թյուրքական լեզվաընտանիքներին: Տեղական առավել տարածված լեզուներից էին դարդյան լեզուները՝ շինա և քհովար, նաև բուրուշասքի (մեկուսացված լեզու) և բալթի (արևմտյան տիբեթական) լեզուները: Հնդարիական հուջարաթին, թյուրքական ույդուրերենը և արևելաիրանական փուշթուն փոքրամասնության լեզուներն էին, իսկ ուրդուն (հնդարիական կենտրոնական խումբ) գործածվում էր որպես տարածաշրջանային համընդհանուր օգտագործման լեզու:

Աշխատանքի երրորդ գլուխը նվիրված է փուշթունների միգրացիոն գործընթացների քննությանն ու ժամանակակից ներգաղթյալների լեզվական փոխազդեցությունների օրինաչափությունների ուսումնասիրությանը: Հյուսիսային Պակիստան փուշթունների ներգաղթը սկսվել է 19-րդ դարում: Ըստ կենցաղավարության կամ ապրելակերպի՝ վերջիններս բաժանվում էին մշտական և ժամանակավոր ներգաղթյալների: Մշտական ներգաղթյալները մայրենի լեզվով էին խոսում առավելապես ընտանիքում, իսկ ժամանակավոր ներգաղթյալները մայրենի լեզուն գործածում էին բոլոր տեսակի հաղորդակցություններում: Ուրդուն բավականին մեծ տարածում ուներ ներգաղթյալների շրջանում և գործածական էր ոչ-փուշթուախոսների հետ շփումների ընթացքում:

Չորրորդ գլուխը նվիրված է երկլեզու մշտական ներգաղթյալների լեզվի քննությունը: Նրանց խոսքում առկա բառամիավորները (հիմանականում մարմնի մասեր նշող գոյականներ, կենցաղի առարկաներ, կենդանիների և բնության երևույթների անուններ), որոնք սերում են շինա, քհովար կամ բալթի լեզուներից, վկայում են փուշթուն մշտական ներգաղթյալների և տեղական լեզուներով խոսող հանրությունների սերտ լեզվական փոխառնչության մասին:

Ատենախոսության հինգերորդ գլուխը ներկայացնում է մշտական ներգաղթյալների շրջանում լեզվի տեղաշարժը: Ինչպես փուշթունների բնակության հիմնական տարածքներում, այնպես էլ հյուսիսային շրջաններում փուշթուն ընկալվում էր որպես ինքնության հաստատուն ցուցիչ: Այս հավատամքի արդյունքում մշտական ներգաղթյալները սերնդեսերունդ փոխանցում էին իրենց լեզուն: 1990-ական թվականների կեսերին վերջիններիս մեծամասնությունը՝ հիմնականում քաղաքաբնակները, համարում էին, որ մայրենի լեզվի պահպանումը պարտադիր է: Մեկ այլ, համեմատաբար ավելի փոքր խմբի՝ առավելապես գյուղաբնակների շրջանում սկսվել էր փուշթուից հրաժարվելու և տեղական ավելի լայն տարածում ունեցող լեզվի անցման գործընթացը:

Ատենախոսությանը կից ներկայացվող հավելվածը ներառում է Պակիստանի հյուսիսային տարածքների և հարևան շրջանների քաղաքական քարտեզ, դաշտային աշխատանքների ընթացքում օգտագործված հանրալեզվական հարցաշար, մշտական ներգաղթյալների կողմից ընտանիքում փուշթուի գործածության շարունակականությունը լուսաբանող աղյուսակ, փուշթու, շինա քիովար և բալթի լեզուների տառադարձության աղյուսակներ, ինչպես նաև դաշտային աշխատանքների ընթացքում հավաքված լեզվական նյութի վերլուծություն:

Matthias Weinreich

**Language and Language Environment of Pashtun Migrants
in the Northern Areas of Pakistan**

*A thesis for PhD degree in Philology, speciality 10.02.06,
“The Ancient and Modern Languages of Asia (Iranian languages)”.*

*The defence will take place on October 6, 2014 at 15⁰⁰ at the address 0015 Yerevan,
Grigor Lusavorich St. 15, Institute of Language after Hrachia Acharian, at the session of
the Specialized Council (N 019 on Linguistics) of Linguistics.*

The study is based mainly on field materials, collected between 1993 and 1997 during an ethno-linguistic research assignment. These materials include systematised observations concerning the sociolinguistic situation in the area, as well as linguistic data pertaining to language use of Pashtun migrants, bilingual in local languages (Shina, Khowar and Balti). The aim of the study is to define the place of Pashto speakers in the multiethnic and multilingual environment of the Northern Areas of Pakistan and to analyse the impact of this environment on their communication patterns and language use. Besides this, the study analyses a number of phonological, lexical and morphological features pertaining to the speech of bilingual migrants, with the aim to reveal possible influences on it executed by Pashto dialects current in the region and by local contact languages.

In the introduction the topicality of the research subject is substantiated, the study's aim and tasks are set, the novelty of the research and its academic significance are established and the methodology on which the research is based is described. Besides, the introduction contains a detailed historiography of the research topic, focusing on the state and perspectives of socio-linguistic research of Pakistan's minority languages.

Chapter one provides an overview of the socio-linguistic situation prevalent in Pakistan's Pashto speaking core areas. It contains an outline of Pashto's place within the Pakistan's language environment, a short description of standard literary Pashto, an overview of Pashto's dialectal divisions. Pashto is one of the more than 60 languages current on the territory of Pakistan, where it is spoken by about 23 million people, mostly living in the North Western Frontier Province, in Baluchistan and in the Federally Administered Tribal Areas. The language is divided into a great number of varieties, most of them identified with one specific geographical area, some of them of supra regional occurrence. Over the centuries Pashto has been in close contact with a number of small neighbouring languages influencing their lexicon and grammar, and sometimes even replacing them. At the same time, Pashto has been and continues to be influenced by important supra regional languages, mostly by Persian, but also by Turkic and Indo-Arian languages.

Chapter two investigates the socio-linguistic situation in the Northern Areas of Pakistan. On their territory in the mid-1990s were living and interacting more than ten large ethno-linguistic groups, who were speaking languages belonging to the Indo-Aryan, Sino-Tibetan, Iranian and Turkic language families. The numerically most widespread local languages were Dardic Shina and Khowar, Burushaski (a language isolate) and Balti (western Tibetan). Indo-Aryan Gujari, Turkic Uighur and Eastern Iranian Pashto were spoken by minorities; Urdu (member of the Central group of Indo-Aryan languages) was functioning as the regional lingua franca.

Chapter three deals with the dynamics of the Pashtuns' migration process and the patterns of linguistic interactions to be observed among contemporary migrants. The beginning of Pashtun migration to the Northern Pakistan can be dated back to the 19th century. According to their way of life, the Pashtuns of the Northern Areas were divided into two groups: permanent and temporary migrants. Permanent migrants were using their mother tongue mostly in the family domain, whereby the younger generation tended to switch from Pashto to the local dominant language while communicating among themselves each other. Temporary migrants used their mother tongue in all communication situations with other Pashtuns. Urdu was widely known among the migrants and employed by them while communicating with non-Pashto speakers.

Chapter four investigates the speech of permanent Pashto speaking migrants, bilingual in local languages. The occurrence in their speech of lexemes (mostly nouns denoting body parts, household items, animals and natural phenomena) originating in Shina, Khowar or Balti testifies to an ongoing close linguistic interaction between permanent Pashtun migrants and speakers of local languages.

Chapter five deals with the phenomenon of language shift among permanent Pashtun migrants. Similar to the Pashtun core areas, also in the Northern Areas Pashto was perceived as a strong identity marker. This perception played a key role in the decision of permanent Pashtun migrants to transmit their mother tongue to their children. In the mid-1990s for a majority of permanent Pashtun migrants, most of them living in urban settings, the preservation of their traditional mother tongue was indispensable: A comparatively smaller group of permanent Pashtun migrant families, most of them settled in rural areas, was in the process of giving up Pashto and shifting to the local majority language.

The annex contains a political map of the Northern Areas and adjoining regions, the sociolinguistic questionnaire used during the field research, a table demonstrating the continuity of the use of Pashto among permanent Pashtun migrants within the family domain, transcription tables for Pashto, Shina, Khowar and Balti, as well as linguistic material collected during field research and its primary analysis.